

они находят вне правовой плоскости. Существенную (например, при бракосочетании и разводе) роль здесь играют адаты (обычаи), горский менталитет, важнейшей особенностью которого является отсутствие традиций разрешения конфликтов посредством юридических институций и механизмов.

Таким образом, особенностью исламской идентичности в постсоветском Дагестане является ярко выраженный конфликт мусульманских конфессиональных идентичностей – салафизма и суфизма. Дагестан становится эпицентром противостояния салафитов и последователей традиционного ислама. Робкие попытки публичной власти посадить конфликтующие стороны за стол переговоров заканчиваются ничем. Исламские идентичности в этой северокавказской республике в течение продолжительного времени демонстрируют себя не консолидирующей, а дестабилизирующей общество силой.

Литература

1. Малашенко, А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа / А.В. Малашенко. М.: Гендальф, 2001. 180 с. С. 70–71.
2. Юсупов, Т. Салафитскую общину Дагестана силовики будут громить до последнего имама / Т. Юсупов // <http://onkavkaz.com/news/888-salafitskuyu-obschinu-dagestana-siloviki-budut-gromit-do-poslednego-imama.html?fromslider>
3. Юсупов, Т. Салафиты Дагестана упустили свой исторический шанс / Т. Юсупов // <http://onkavkaz.com/news/530-salafity-dagestana-upustili-svoi-istoricheskii-shans.html>
4. О неприкосновенности жизни мусульманина // <https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2010/01/01/69895>

Коммуникация как узнавание: античные традиции в латинской раннехристианской словесности

И.Н. Бузыкينا

МГУ имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Irina.Nik.Buzykina@gmail.com

Наследие эпохи раннего христианства предлагает материал, который можно исследовать с точек зрения истории, богословия, филологии, и др. В этом сообщении фокус сделан на проблеме коммуникации проповедника и его аудитории, а именно на элементы и приемы формального и символического языка, которые обеспечивают момент узнавания, такие как: применение классической формы к христианскому по содержанию посланию (на примере апологии и диалога); введение широко известных «общих мест» из классических произведений (а) в прямом значении в качестве примеров (экземплы для аргументов язычников), (б) в метафорическом, адаптированном к христианскому пониманию значении.

Ключевые слова: античность, «апелляция к древности», «идентифицирующие фигуры», мимесис, «общие места», риторическая традиция, христианство

Networking as recognition: pagan antiquity in latin christian literature

I.N. Buzykina

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

The legacy of early Christianity provides to researchers a huge amount of opportunities and perspectives, including studies in almost every branch of humanities, from philology to theology. These papers are focused on exact problem of communication, or networking between the Christian apologist and his audience. The main terms and concepts are formal or symbolic language and its elements and the procedure of recognising of *exemplae*, *koinoi topoi*, *loci classici* and other kinds of references to classic literature.

Keywords: *antiquity*, «*Alterbeweis*», «*Identifikationsfiguren*», *mimesis*, «*loci classici*», *rhetoric tradition*, *early christianity*

Интеллектуальная среда первых пяти столетий после Христа отличалась с одной стороны, наличием зрелых форм словесности с присущей им внутренней динамикой и качественной неоднородностью, и преобладанием как минимум двух (опуская ближневосточные) письменных традиций, высоким уровнем распространенности и доступности знаний и высоким авторитетом письменного слова. Следование авторитету письменного текста или предания, свойственные христианской Церкви, и часто объясняемые влиянием иудейского наследия, наблюдаются едва ли не в большей мере в греческой классической словесности. В качестве одной из причин такого мнения уже Вернер Йегер указывал на традиционное для европейской историографии представление о генезисе христианства как ответвлении национальной религии евреев, недооценивавшее фактор глубокой эллинизации иудейской общины в рамках ее существования в составе Римской империи к моменту начала проповеди Христа [1, p. 5].

В течение этих веков способ обращения к языческому наследию естественно менялся. В первые столетия, отмеченные гонениями на христиан и подчеркнутым неприятием самого факта их существования, с одной стороны, и еще не успевшей сложиться христианской модели апелляции к авторитетному источнику, лучшим путем «перевода» на общеупотребимый язык было облечь трактат в защиту христианства в форму классической судебной речи, выстроенной по правилам риторического искусства: «защитники новой религии должны были искать точку соприкосновения с людьми, к которым они обращались, если они хотели, чтобы их услышали» [1, p. 27]. Христианское сообщение становилось частью античного дискурса, в котором действуют «идентифицирующие фигуры» – в том числе мифологические существа, герои и известные люди.

Для христианской словесности IV века обращение с текстами языческой древности имеет несколько иную окраску: в творениях святых Амвросия, Иеронима и Августина можно прочесть несколько контекстуальных уровней.

1) Преemptивность между древней мудростью и христианским знаанием: апелляция к древности действует как доказательство предшествования ев-

рейской истории Ветхого Завета перед античной. Евсевий Кесарийский и вслед за ним св. Иероним в мировой хронологии приводят точные и относительные датировки Ноева потопа и Троянской войны ((Hier. chron. a. Abg. 2395) см. в: [2, S. 78. Anm. 86]) подтверждая факт присутствия и действия Божественного промысла в трудах языческих философов.

2) Демонстрация эрудиции. Интеллектуал-христианин устами языческих мудрецов утверждает существование и действие Божественного промысла среди людей и в века до пришествия Христа в мир. Среди христианского «пантеона героев» наряду с мучениками первых веков и древними еврейскими пророками, предвещавшими приход Мессии, называются Гомер, Сократ, Вергилий, Цицерон и Сенека [3, S. 243, 284]; [4, S. 22, 25]. Например, «демон Сократа» и эвгемерическая трактовка происхождения языческих богов и факт их подверженности страданиям и порокам являются «общими местами» как в апологетике [5, S. 13, Anm. 10], так и в трудах эпохи патристики. Знание, образованность и владение словом ставится в заслугу христианину и возвращается во благо общего дела Церкви.

3) Поскольку христианство не успело создать собственную систему образования, школьное знание по-прежнему строится на тех же классических произведениях [6, S. 488 f]; [7, P. 2 f]. Но за цитатами из Вергилия или Платона христианский слушатель или читатель уже может усмотреть иносказательный смысл, к которому его подготавливают эти несовершенные образцы из истории и поэзии. Здесь уже можно, в отличие от периода ранней апологетики, говорить о переводе античности на язык христианства. Это разделение могло бы показаться искусственным, если бы его границы не были намечены вполне определенными событиями политической и культурной жизни империи. Меняется статус «соперников» христианства и их количество, равно как и внешнеполитические условия существования империи.

Теперь приведем некоторые примеры к описанным явлениям и тенденциям. Эти примеры намеренно взяты из хорошо известных и узнаваемых источников. В этом сообщении мы сконцентрируем внимание на первом этапе, эпохе апологетики. «Зрелый» период патристики, по причине обширности материала, мы рассмотрим на отдельных частных примерах, не претендующих на глобальные выводы, в качестве демонстрации различия между заявленными этапами.

Для конца II века в качестве образцов христианской словесности, взаимодействующей с формальной традицией античной литературы, мы приводим сочинения Тертуллиана «К язычникам» (*Ad nationes*) и Минуция Феликса «Октавий» (*Octavius*). Они очень близки по времени – последнее и предпоследнее десятилетия II или даже начало III века (197 [5, S. 207]; 180–192; 202 [8, S. 101. Anm. 3]). Датировки основываются на перекрестных упоминаниях авторами – Минуция Феликса как автора «Октавия» упоминает св. Иероним (*De vir. ill.* 58), а также на текстологической зависимости этого диалога от «Апологетика» Тертуллиана. С точки зрения формы, послание Тертуллиана «К язычникам» это апология. В ней, как полагается в произведении такого типа, есть описание выдвигаемого обвинения (например, жадности, подлости и бесчестия: *Ad nat.* I, V, 1; «жертвоприношение младенца» – *Ibid.*, I, VII, 23f, непочтение к «уста-

новлениям предков» – Ibid., II, X, 3); аргументация обвиняющей стороны (например, Ibid., I, IV, 1: ...disitis sectam nomine puniri sui auctoris. ... (2) itaque si ob auctorem malum mala secta, tradux mali nominis plectitur); контраргументы защищающейся стороны (например, Ibid., V, 2, – краткое пояснение о том, что «паршивая овца» встречается в любом стаде, или Ibid., II X, 11ff – экскурс в римскую историю о традициях благочестия и почитании богов). Помимо следования формальным требованиям жанра, примеры, приводимые Тертуллианом также относятся к наследию классической греко-римской словесности (Гомер: II, X, 38, Платон: II, X, 41, 42, Варрон: II, X, 43). Топос *молвы* (fama), приводимой Тертуллианом в качестве основного источника и орудия обвинения (I, VII, 2 f), по мнению ряда исследователей, является реминисценцией на Вергилия (Aeneid, IV, 174) [8 S. 43].

В диалоге Минуция Феликса «Октавий» легко угадывается цicerонианский диалог [9, S. 27]. Исследователи до середины прошлого века видели в «Октавии» «мозаику и элементов языческого образования и литературы» [9, Ibid.], во многом из-за «изысканной композиции и гуманистического духа диалога». Современные ученые в «мозаичности» этого произведения видят почву для изысканий широкого спектра – от текстологических до богословских вопросов [8, S. 102; Ibid., S. 102. Ann. 1–3].

Итак, в диалоге участвуют два собеседника и наблюдатель. Высказанная первой точка зрения язычника, молодого человека по имени Квинт Цецилий, представляется весьма правдоподобной, логично обоснованной и подтверждается многочисленными фактами, почерпнутыми из авторитетных источников. Аргументирует величие римской религии он ссылками на исторические события (Octavius, VI, 2–3; VII, 5) и приводит тот же самый топос о христианских мистериях (Ibid., VIII, 4; IX, 3, 5) и в качестве воплощения мудрости приводит пример Сократа (Ibid., XIII, 1, 2). Несмотря на категоричную убедительность доводов Цецилия слово передается другому юноше, христианину Октавию. Его доказательства взяты из не менее весомых источников. Октавий, обосновывая истинность христианского учения, доказательства берет из сферы, близкой и понятной язычнику, а именно – из Вергилия (Octavius, XIX, 2: “*Principio, ait, coelum et terras*” et caetera mundi membra “*spiritus intus alit, et infusa mens agitat. Inde hominum pecundumque genus*” [Verg. Aeneid, VI, 724, 726 – 728] et quidquid aliud animalium. Idem alio loco, mentem istam et spiritum, Deum nominat; haec enim sunt: *Deum namque ire per omnes / Terrasque tractusque maris coelorumque profundum. / Unde homines, et pecudes, unde imber et ignis.* [Verg. Georgicon, IV, 219]. Курсив наш. – И.Б.) греческой философии: Фалеса Милетского, Анаксимена, Анаксагора, Пифагора, Ксенофана Элейского, Аристотеля, Демокрита, Гераклита... (Octavius, XIX, 4–9). Все они признавали существование Божества, называемого ими Разумом, Природой, Умом, Духом. Platonі itaque in Timaeo Deus est ipso suo nomine mundi parens, artifex animae, coelestium terrenorumque fabricator; quem et invenire difficile, prae nimia et incredibili potestate; et, cum inveneris, in publicum dicere impossibile praefatur. Eadem fere et iste nostra sunt nam et Deum novimus et parentem omnium dicimus, et nunquam publice, nisi interrogati, praedicamus (Octavius,

XIX, 14). Очевидно, что арбитр (он же автор) – на стороне второго юноши и именно его устами проповедует учение Христа.

В качестве примеров из эпохи патристики приведем сочинения свв. Амвросия, Августина и Иеронима. Если первые двое были известны как выдающиеся проповедники и ораторы, и, следовательно, влияние риторической традиции в данном случае отчасти лежит на поверхности, то св. Иероним демонстрирует приверженность к классической словесности не столь очевидным, но также неопровержимым, образом (топос *ciceronianus es, non christianus* – Epist. 22, 30, 4). В творчестве всех троих великих западных учителей Церкви отчетливо видно увлечение сочинениями Цицерона и Вергилия. Исследования заимствований из языческой словесности можно разделить на две категории: это или обзор идентифицированных цитат охватывающий ряд ключевых христианских авторов [9; 10], или подробный разбор заимствований из классиков в трудах одного значимого автора [11]; возможен другой подход: от первоисточника к христианским заимствованиям [12].

Помимо примеров-цитат можно привести отсылки к первоисточнику путем повтора названия и подражания структуре. Так св. Амвросий написал инструкцию для клира (*De officiis ministrorum*) по образцу туллевых *De officiis*. Замысел состоял в христианском «ответе» Цицерону [13, Р. 314], предполагающем знание первоисточника, но основанном на принципиально ином материале: речь идет о порядках, которым должны следовать служители Церкви. Формальные сходства легко заметить: по примеру Цицерона, Амвросий обращается к определенному кругу лиц: Марк Туллий обращается к сыну, епископ Милана – к духовным сыновьям, клиру. Цицерон следует Панэтию, Амвросий следует за Цицероном. Имея к качеству посредника авторитет великого оратора, Амвросий устраняет из философского и этического учения все, что могло бы противоречить христианской вере. Сам по себе этот прием не нов: «Октавий» Минуция Феликса в той же степени опирается на строки “*De natura deorum*” [10, Р. 348].

Пожалуй, самым изящным синтезом языческого и христианского знания, включающим примеры для областей как профанного, так и сакрального, экзегезу и «первую философию истории» стал трактат св. Августина «О граде Божием». В нем мы можем найти подтверждения всех упомянутых тенденций. Например, *De civ. VII* строится вокруг трех книг, завершающих *Antiquitates rerum divinarum* Марка Теренция Варрона, посвященных божествам. О вкладе св. Августина в сохранение этого сочинения см.: [14, S. 253–254. Anm. 39, 40]. Причины величия и упадка республики с точки зрения Цицерона с комментариями Августина представлены в *De civ. I, II*. В более ранних и относящихся к периоду до крещения и принятия священного сана трактатах св. Августина его приверженность к образу мышления и рассуждения Цицерона: обстановка и стилистика «Тускуланских бесед» воспроизводится в цикле диалогов в Кассициаке ([10, S. 348]). Для того, чтобы понять, в чем схожа и чем различается аргументация Августина от аргументации Тертуллиана, можно сравнить места, в которых оба обращаются к текстам римских историков:

- про языческих богов и их участие в судьбе Рима (*De civ. IV, 10; VII*);
- про доблесть предков и мораль (*II, 2, 8; 18, 19, 21, 22*);
- про Сократа и Платона (*I, 7; VIII, 3–6*).

Августин обращается к источникам, отстоящим от него по времени довольно далеко, и потому воспринимаемым нейтрально. Тон Цицерона, говорящего устами Цицерона, близок и понятен, и не вызывает отторжения автора, в отличие от рассказа Тацита (Hist. V, 3–4) об осле, якобы почитаемом за божество евреями, а значит, и христианами, воспроизведенного и у Тертуллиана (Ad nat. XI, 2–3), и у Минуция Феликса (Octavius, IX, 3)

Способ коммуникации Иеронима с образованным христианским обществом отличается от избранного святыми епископами Амвросием и Иеронимом: основное наследие его составляют переводы и комментарии к переводам. Свои принципы перевода св. Иероним обосновывал апелляцией к авторитету Цицерона: *Ego enim non solum fateor, sed libera voce profiteor, me in interpretatione Graecorum ... non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu. Nabeoque hujus rei magistrum Tullium, qui Protagoram Platonis, et Oeconomicon Xenophontis et Aeschinis ac Demosthenis duas contra se orationes pulcherrimas transtulit (Epist. 57, 5), за исключением интерпретации текста Священного писания: ubi et verborum ordo mysterium est (Idem, курсив наш. – И.Б.).* Незнакомые образованному христианину еврейские имена и реалии можно прояснить, заменив их по возможности ближайшими аналогами, пусть даже из языческого пантеона [3, S. 84–85; 102 ff]. Таким образом была налажена непосредственная связь между древневосточной, иудейской мудростью, «прохристианским» и христианским наследием. Не менее известен «мост», переброшенный святым Иеронимом между классической традицией и ее авторитетами и христианским жизнеописанием: название трактата «о знаменитых мужах», церковных писателях и подвижниках, оставивших после себя книги о христианском учении, отсылает к языческому прототипу – *De viris illustribus* Светония. Современные текстологические исследования подтверждают самообвинения Иеронима в приверженности к языческой литературе: даже в комментариях на пророческие книги в скрытом виде присутствуют отсылки к латинской поэзии [15], [16].

Приведенные в нашем сообщении факты и источники достаточно имеют долгую историю изучения, однако в русской историографии истории Церкви еще достаточно редки попытки комплексного рассмотрения явлений культуры, взаимосвязей интеллектуально-религиозного и литературного дискурсов, вопросов семиотики в эпоху христианской античности.

Сокращения:

CSEL – *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*

STAC – *Studien und Texte zur Antike und Christentum*

Источники:

Ambrosii *De officiis ministrorum*

Aurelii Augustini *De civitate Dei*

Chronicum Eusebii ab Hieronymo retractatum ad annum Abrahae 2395

Eusebii Hieronymi *De viris illustribus*

Eusebii Hieronymi *Epistolae:*

LVII *Ad Pammachium de optimo genere interpretandi*

M. Minucii Felicis *Octavius*

M. Tullii Ciceronis De officiis
P. Vergilii Maronis Aeneid
P. Vergilii Maronis Georgicon,
Q. S. F. Tertulliani Ad nationes
XXII Ad Eustochium,
XXXIX Ad Paulam super obitu Blaesillae filiae

Литература:

1. Werner Jaeger, *Early Christianity and Greek Paideia*. The Belknap Press of Harvard University Press: Cambridge, Massachusetts, London, England, 1961
2. Karsten C. Ronnenberg. *Mythos bei Hieronymus: Zur christlichen Transformation paganer Erzählungen in der Spätantike*. Franz Steiner Verlag: Stuttgart, 2015 (Hermes: Zeitschrift für klassische Philologie. Einzelschriften. Band 108)
3. Hugo Rahner, *Griechische Mythen in christlicher Deutung*. Herder: Freiburg, Basel, Wien, 1992
4. Hans Freiherr von Campenhausen, *Lateinische Kirchenväter*. W. Kohlhammer Verlag: Stuttgart, 1960 (Urban Bücher 50)
5. Henrike Maria Zilling, *Tertullian, Untertan Gottes und des Kaisers*. Paderborn, München, 2004
6. Peter Gemeinhardt, *Das lateinische Christentum und die antike pagane Bildung*. Mohr Siebeck: Tübingen, 2007 (STAC 41)
7. *Education and Religion in Late Antiquity. Reflections, social contexts and genres*. Eds. Peter Gemeinhardt, Lieve van Hoof, Peter Van Nuffelen. Routledge: New York, 2016
8. Stefan Freund, *Vergil im frühen Christentum. Untersuchungen zu den Vergilzitataten bei Tertullian, Minucius Felix, Navatian, Cyprian und Arnobius*. Ferdinand Schöningh: Paderborn, München, Wien, Zürich, 2-te Aufl. 2003
9. Harald Hagendahl. *Von Tertullian zu Cassiodor. Die profane literarische Tradition in dem Lateinischen christlichen Schrifttum*. Acta Universitas Gothoburgensis: *Studia graeca et latina XLIV*. Götheborg, 1983
10. Harald Hagendahl. *Latin fathers and the classics, a study on the apologists, Jerome and other christian writers* (*Studia graeca et latina Gothoburbensia*, 6). Almquist&Wiksell:Stockholm, 1958
11. Harald Hagendahl. *Augustine and the Latin Classics* (*Studia graeca et latina Gothoburbensia*, 20).Vol. I: *Testimonia*: II: *Augustine's Attitude*. Almquist&Wiksell: Götheborg, 1967
12. Karl Olav Sandenes, *The Gospel "According to Homer and Virgil". Cento and Canon*. Brill: Leiden, Boston, 2011 (*Supplements to Novum Testamentum* 138)
13. Ivor J. Davidson, *Ambrose's de officiis and the intellectual Climate of the Fourth Century*// *Vigiliae Christianae* Vol. 49. no 4 (Nov. 1995)
14. Jörg Rüpke. *Historicizing Religion: Varro's Antiquitates and History of Religion in the Late Roman Republic* // *History of Religions*, Vol. 53, No. 3 (February 2014), pp. 246–268

15. Rainer Jakobi, Argumentieren mit Terenz: die Praefatio der „Hebraicae Quaestiones in Genesim“ // Hermes, 143 Jahrgang, Heft 2 (2006), pp. 250–255
16. Ilona Opelt, Lukrez bei Hieronymus // Hermes, 100 Bd. Heft 1 (1972) pp. 76–81

**«Апостол» Ф. Скорины
и канонические тексты Нового Завета**

Д.Г. Пархоц

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

denisparhoc@mail.ru

Данное исследование посвящено вопросу религиозного мировоззрения Ф. Скорины и религиозных традиций, оказавших на него влияние. В XV–XVI веках активизируется идея создания доступного библейского текста на народном языке. В рамках этого направления переводятся Библии на национальные языки в Германии, Италии, Испании, Чехии и других странах. Этот процесс ставит перед исследователем вопрос о влиянии на канонических текстов на библейские тексты на национальных языках. На основе сравнения моделей этнической идентификации мы пришли к выводу о влиянии греческой традиции на религиозное мировоззрение Ф. Скорины. Влияние латинской традиции на модели этнической идентификации не выявлено.

Ключевые слова: *Ф. Скорина, Апостол, Вульгата, греческий текст Нового Завета.*

**Ethnic identification in the “Apostle” of F. Skorina
and canonical texts of the New Testament**

D. G. Parhots

Belarusian State University

Minsk, Belarus

This study is devoted to the issue of religious worldview of F. Skorina and the religious traditions that influenced him. In the XV–XVI centuries the idea of creating an accessible biblical text in the national language became more active. Bibles are translated into national languages in Germany, Italy, Spain, the Czech Republic and other countries. This process confronts the researcher with the question of the influence of canonical texts on biblical texts in national languages. On the basis of a comparison of models of ethnic identification, we came to the conclusion that the Greek tradition had a noticeable impact on the religious worldview of F. Skorina. The influence of the Latin tradition on the models of ethnic identification has not been revealed.

Keywords: *F. Skorina, Apostol, Vulgate, Greek text of New Testament.*

Конец XV - начало XVI века ознаменовался кардинальными изменениями в религиозной жизни Европы. Реформационное движение и его предшественники, такие Джон Уиклиф и Ян Гус, изменили отношение к церковной организации, выдвинув на первое место идею доступной церкви.